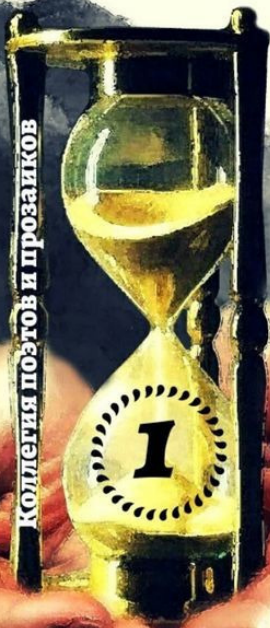

18+

ИЗБРАННОЕ

**В
Р
М
Я**

**С
Л
О
В**

Коллегия поэтов и прозаиков

Эльвира Шабаета
Избранное Время слов. Том 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50761315

ISBN 9785449821133

Аннотация

Коллегия поэтов и прозаиков представляет работы авторов России и Ближнего Зарубежья. Издание рассчитано на широкий круг читателей.

Содержание

Светлана Кунакулова	8
«Единожды солгавший вновь обманет...»	8
Назад дороги нет	9
Кривые зеркала	10
О тебе никто не знает...	11
Ищу отца для сына	12
Отпускаю мечту	14
А я посмела	15
Антонина Павлова	16
Тайна Парфюмера	16
Пророчество	18
Декабрь	19
На крыльях	20
Никогда	21
Алексей Шмырев	22
О книге	22
Зимний вечер	23
«Как не хватает пары слов...»	24
Постарайся	25
Она так раньше улыбалась мне	26
Беседа с умным человеком	27
Однажды в третьем классе	29
Сергей Володькин	35

«Часто слышу во сне стихи...»	35
«Ветер листья шлёт без адресата...»	37
«Плясать по клавишам фокстрот...»	38
«Поплачь со мной на посошок о том...»	39
«Нас сотрёт как тряпкою с доски...»	41
«Твоими руками Вселенная делает Свет...»	42
Завет	43
«Нет, долго зла держать я не могу...»	44
«Всё время кто-нибудь чего-нибудь да ждёт...»	45
«Какая нынче тёплая зима...»	46
Ольга Соловей	48
Бабушкин порог	48
Рассвет	50
Разорванные письма	51
Пламя свечи	52
Размышления о жизни	53
Т. В. Таволга	54
Лето	54
Воскрешение	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Избранное Время слов

Том 1

Эльвира Шабаета *Редактор*

ISBN 978-5-4498-2113-3 (т. 1)

ISBN 978-5-4498-2114-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Светлана Кунакулова

«Единожды солгавший вновь обманет...»

Единожды солгавший вновь обманет,
Однажды предал кто, тот вновь предаст.
Кто излучает свет – слепцом не станет,
Кто перед Богом чист, тот все отдаст!

Назад дороги нет

Недосягаем, недоступен... безразлична
Тебе я стала? Что ж, пусть будет так.
Желаю счастья много в жизни личной.
Я сильная и справлюсь – то пустяк!

Решил забыть меня? О'кей! – возможно!
Попробуй, только знай, что далеко —
На расстоянии любить совсем не сложно,
А разлюбить... вот – это нелегко!

Не мне одной быть в дамках и, бесспорно,
Для многих ты – герой, авторитет.
Но помни, дорогой: любовь повторно
Не снизойдет... назад дороги нет!

Кривые зеркала

Я вижу в отражениях зеркал
Себя... до чертиков
Наивную, смешную,
Снаружи – кроткую
Внутри – хмельную...
Улыбка на лице, в душе – оскал.

Вне – добродетель,
А внутри – обитель зла.
Да будут прокляты
Кривые зеркала!

О тебе никто не знает...

О тебе никто не знает —
Никому не говорю.
Имя свет твоё ласкает,
В сердце я его храню:

Чтоб не сглазили подруги,
И не спорила родня,
Чтобы роль твоей супруги
Стала главной для меня.

Чтобы прелести земные
Повторялись каждый день.
Чтобы сны твои цветные
Не скоблила чья – то тень.

В проявлении начала
(Насладившись им сполна),
Чтобы нас теплом встречала
Наша первая весна!

Ищу отца для сына

Давно горю желанием
Найти отца для сына,
Чтоб уделял внимание
И вырастил мужчину.
Чтоб помогал ему во всём,
Отчасти был примером.
И на рыбалку, чтоб вдвоём,
И штабик из фанеры...
Зимой на лыжах чтобы в лес,
Потом с горы на санках.
И похвалил, когда тот влез
В его с гвоздями банку.
Чтоб вместе наперегонки
Бежали мне навстречу.
Чтоб постоянные звонки
В надежде, что отвечу.
А сын за ним (не в силах ждать)
Ходил всегда и всюду.
Ну, что вы... я? – чтоб ревновать?
Да, ни за что не буду!
Спросить вот только у кого,
Где есть такой мужчина?

Нет, личного здесь – ничего:

Отца ищущи для сына!

Отпускаю мечту

Не знаю, что конкретно происходит...
Пытаюсь перепрыгнуть через время
По принципу: «кто ищет, тот находит»,
Но чувствую: «не по лошадке стремя!»

Собрав в кулак всю волю, отпускаю
Мечту свою, пусть время верховодит.
Как вырваться из плена, я не знаю —
Не знаю, что конкретно происходит...

А я посмела

А я посмела
Быть с тобой счастливой,
Купаясь в безразличии твоём.
И страсти не стыжусь той
Похотливой,
Что испытали я и ты... вдвоём.

Единственная ночь
Всё изменила
И замела порочности следы.
Ты так и не узнал,
Как я любила,
А я не знала, что любил и ты...

Любовь и гордость
Не приходят вместе
И поутру,
Одевшись торопливо,
Ты навсегда ушёл
К своей невесте.
А я...
Посмела быть с тобой
Счастливой!

Антонина Павлова

Тайна Парфюмера

Раскину шелковые снасти—
Тебе понравится, поверь.
Секреты о предмете страсти,
Скрывает хитрый Парфюмер.

Вдохну, смеясь, любимый запах,
Взьерошу кончики волос,
И, утонув в огромных лапах,
Согрею душу, взгляд и нос.

Когда любовь рисует счастье,
Страсть не содержит алкоголь.
Очнётся запах на запястье,
Я – Королева, ты – Король.

От глаз чужих укрою тайну:
Мир полон зависти и зла,
Чтобы нелепо и случайно
Тебя беда не забрала.

Раскину шелковые снасти—

Тебе понравится, поверь.
Секреты о предмете страсти
Скрывает хитрый Парфюмер.

Пророчество

Морозным ветром обдуваема,
Под небом северным увидев знак пророческий,
За шаткий стол покрытый рыбьим мехом,
Присядет робко дева—
Одиночество.
Спокойно оглядится, наблюдая,
Услышав крик больных амбиций,
Короны быстро все пересчитает,
Поступки зарисует в лицах.
Окинет взором недовольных,
С депрессией живя сотворчеством,
И будут рады новым новобранцам,
Ряды печальной девы—
Одиночества.

Декабрь

С приподнятым вверх подбородком,
В туманной, декабрьской мгле,
Шагает она по морозцу,
Укутав улыбку в шарфе.

Пробежками шаг ускоряет—
Морозец девчонку бодрит.
Иголками иней колючий
Ресницы сомкнуть норовит.

И мысли теснятся под шапкой:
О счастье, любви и тепле.
Бежит по морозцу девчонка,
Укутав улыбку в шарфе.

На крыльях

На крыльях новых, оставаясь дерзкой,
Взлетаю выше! Чаще обороты!
Играет детство от порывов резких;
Вдыхаю запах снега и свободы.

Питаюсь жадно вкусным и красивым,
Дарю улыбку добрым, милым людям,
Усы рисую злобным и фальшивым,
Снежок закину в пасти черным жулям!

Целую счастье нагло, без сомнений,
Бреду, смеясь, в пуховике зашитом.
Я не боюсь пурги, землетрясений,
Не страшен камнепад – я под защитой!

Никогда

Никогда не мечтаю быть с тем,
Кого долгое время не видела.
Неизвестно, где он обитает,
На земле, иль в Небесной Обители.

Никогда не поверю улыбкам,
Затвердевшим в оскалах искренних,
Не поверю звонкам среди ночи
И безликим словам в переписках.

Никогда не позволю греть тело,
Наслаждая его без чувства,
Чтобы тапок по морде не шлепнул—
Быть животным обидно и грустно.

Никогда не начну дело с кивды,
Разрешая вести сделки с совестью,
Жить приятно, питаюсь красивым,
И не делаю фетиш из гордости.

Алексей Шмырев

О книге

Ставлю метки в книге на полях—
Может статься возвращусь однажды.
Пусть твердят, что не вернуться дважды,
Не сыграть в отыгранных ролях.

Проживаю будто в первый раз
Судьбы персонажей запылённых.
Оживает образ вновь рождённых
Мастерски подобранный в рассказ.

Забываю сложные слова:
В них теперь нуждаться не посмею.
Надевай скорее же камею—
Поезд через лес везёт дрова.

Значит нам проторена тропа:
Можем мы позволить заблудиться,
Белым снегом на заре умыться—
Снова вдаль ведёт мечты стопа!

Зимний вечер

На улице – зима, в душе – прохлада,
А хочется уюта, нежности, тепла.
И что же нам для этого всем надо?
В кругу семьи чтоб проходили вечера!

Кусочек пирога, а может пицца,
Варенье с косточкой и бабушкин компот,
Которым вдоволь хочется напиться;
Болтать о самом разном, набивая рот.

Укутавшись пуховым покрывалом,
Смотреть весёлое семейное кино.
Мечтать о чём-то ранее не бывалом
Не замечая, что на улице темно.

«Как не хватает пары слов...»

Как не хватает пары слов:
«Хочу увидеть! Я скучаю!»
На стол поставить вкусный плов
И что-то сладенькое к чаю.

Чтоб руки милой, плавной птицей
Обвили нежно два плеча.
Кормили ароматной пиццей,
Теплом окутав как свеча!

Чтоб взгляд её такой красивый
Скользил с восторгом по спине.
Шептала чтоб она: «Любимый»,
И чувствовать: что это мне!

Постарайся

Постарайся забыть тот вечер,
Когда волны стирали следы.
Постарайся задуть те свечи,
Растопившие серые льды.

Постарайся забыть приливы,
Приносившие ласковый бриз.
Постарайся доесть те сливы,
Что достал я, исполнив каприз.

Постарайся забыть беседы:
Слишком мало в них было огня.
Постарайся найти те кеды
И станцуй, как тогда, для меня.

Постарайся простить ошибки,
Брызги солью погасят пожар.
Постарайся сберечь улыбки,
Быть собой очень редкостный дар!

Она так раньше улыбалась мне

Билеты на руках, идёт посадка,
В толпе зевак знакомое лицо.
Чуть строгая улыбка и укладка,
Там девушка, на пальчике кольцо.

Она сейчас кого-то провожает,
Взволнована, немного не в себе.
А может быть, наоборот, встречает.
Она так раньше улыбалась мне.

Поток воспоминаний заструился,
В туманной дымке поезд уходил.
В четвёртом классе я в неё влюбился,
А в пятом на свиданье пригласил.

Деревья за окном куда-то мчались,
Мурашки побежали по спине.
Я вспомнил, как впервые целовались.
Улыбку вспомнил, но уже не мне...

Беседа с умным человеком

Беседа с умным человеком
Процесс приятный, как ни глянь,
Хоть он с полуоткрытым веком,
Хоть вовсе не умыт и пьян.

Тебе не важен его статус,
Неинтересен круг друзей,
Волнует только страсти градус,
Что пышет из его ноздрей.

В беседе с умным человеком,
Одно есть правило всегда,
И это вовсе не про веко
Об этом говорил уж, да!

Когда накал страстей кипящих
Способен будет плавить медь,
То в диалоге настоящем
Важней всего сбежать суметь!

Я поясню: ведь мне не жалко,
Про умных знаю – сам им был,
Когда в душе пылает ярко,
То лучше закапаться в ил.

Мудрец сродни ребёнку чаще,
В его догмате лишний вес.
Поток словес изюма слаще,
А ты как будто с пальмы слез.

Признаться честно – опасюсь,
Что умников, что дураков.
Как вижу оных, сразу каюсь,
Кричу: «Зовите докторов!»

Однажды в третьем классе

На дворе стоял, далёкий уже, одна тысяча девятьсот девяносто третий год. Мне было целых девять лет, я ходил в третий класс небольшой поселковой школы. И в общем – то ничем не отличался от других мальчишек, за исключением, одной особенности: я никогда не мог смириться с несправедливостью. Нет- нет, я вовсе не был смельчаком, который мог без оглядки накинуться на кого-то с кулаками, чтобы доказать свою правоту или, наоборот, пойти на подлость из тех же благородных побуждений. Я предпочитал убеждать словом. Конечно, если это было возможно. Как ни странно, у меня это получалось довольно неплохо. Каким-то природным чутьём я понимал: что и кому можно говорить, а за что можно и схлопотать по шее. Но давайте обо всём по порядку.

В те годы у меня был лучший друг, мой «полный» тёзка – Алексей Александрович. Правда, детей никто по имени отчеству не зовёт, но сам факт нам был очень приятен. Алексей был весьма упрямым и шкодливым ребёнком – единственным в своей семье, а потому очень избалованным лаской и опекой. Он постоянно ругался с бабушкой и матерью, получая за это справедливые взбучки от отца. Каждое утро я по пути в школу заходил за ним. Благо, жили они в своём доме, и мне не приходилось топтать по ступенькам. И вот в очередной раз около восьми часов утра я постучался к ним

в дверь. Как обычно, пробежав рысцей мимо будки с собакой. Не то, чтобы я её сильно боялся, но рисковать не хотелось. Рыжая дворняга, больше похожая на лису, хорошо отработывала свой хлеб. Всегда заливалась звонким лаем при приближении чужих людей. Мне открыли не сразу. За дверью слышались голоса. Мама Лёши что-то очень упорно доказывала то ли мужу, то ли сыну. Затем глава семейства что-то громко гаркнул, и дверь передо мной распахнулась. Подоровавшись, я хотел было выйти и подождать друга на улице, но мама Лёши – тётя Галя взяла меня за руку и отвела к столу на летней кухне. Там по обыкновению стояла тарелка с кусочками аккуратно нарезанного тульского пряника и чашка чая. Несильно сопротивляясь, я стянул шапку и принялся жевать пряник. На улице было холодно, несмотря на середину апреля. Весна напоминала затянувшуюся осень. Настроение у всех, особенно взрослых людей, было этому под стать – немного пасмурное. Людям нужен солнечный свет. Об этом я и поведал своему товарищу по пути в школу. Он по обыкновению ляпнул что-то про моё занудство. Стукнул меня портфелем и побежал вперёд с криком:

– Кто последний, тот дурак!

– Беги, беги, балда! – бросил я ему вслед. Всё ещё продолжая думать о своём открытии по поводу солнечного света и настроения взрослых.

День в школе выдался рядовым. На переменах мы в очередной раз успели подраться, помириться, подёргать за ко-

сы соседку по парте – Людку, оторвать несколько пуговиц от рубахи одноклассника Сашки и, по-моему, порвали Лёхин дневник. Это для взрослого человека такая чехарда событий являлась бы чем-то экстраординарным, а девятилетнему пацану толком- то и скуку этим не развеять. А посему после уроков, нацепив резиновые сапоги, мы побежали играть в покорителей Арктических морей. Зимой за нашими пятиэтажками всегда скапливалось много снега. И весной, когда он начинал таять, во дворах образовывались целые озёра талой воды, под которыми всё ещё оставался лёд. А мы подобно арктическим ледоколам рушили верхнюю кромку подтаявшей ледяной массы и с удовольствием проваливались в воду до самых колен, а иногда ещё выше. Так было и в тот день.

Мы с Лёхой наперегонки вбежали на потрескавшийся лёд и, подбадривая друг друга криками, начали ломать его. Сначала мы едва-едва мочили сапоги. Было мелко и скучно. Затем Лёха отбежал на середину импровизированного озера, подпрыгнул и с силой ударил ногами по льду, лёд не поддался. Я понял, что своими силами нам не справиться с этой задачей и побрёл искать подручные средства: камень или кирпич. Отойти далеко я не успел. Раздался глухой треск, и пронзительный крик друга резанул мне по ушам. Ему всё-таки удалось продырявить ледяную кромку, правда, не ногами, а попой. Поскользнувшись, он потерял равновесие и плюхнулся в воду всем телом. Там оказалось глу-

боко. Он сидел по грудь в воде, судорожно пытаясь встать на ноги. У него не получалось. Дно было слишком скользким. Он несколько раз нырнул, умудрившись нахлебаться ледяной жижи. Пока я, и в самом деле, как ледокол, круша лёд, бежал ему на помощь. Стоит ли говорить, что я тоже поскользнулся и, уже катясь на пузе, врезался в друга, провалившись рядом с ним. Кричали мы уже оба. Хватаясь друг за друга, пытались встать, но только сбивали друг друга с ног, снова и снова скользя на ледяном дне. Кто-то из прохожих увидел нашу возню и закричал:

– А ну, хорош баловать, вылазьте, черти, заболете!

Видимо, со стороны это было похоже на забаву – взрослый человек не сообразил, что мы в этой пусть очень большой и глубокой, но всё же луже, отчаянно боролись за жизнь. В такие моменты реальность очень размывается и то, что с холодной головой делается легко и просто, в горячке не делается вовсе или делается очень медленно. Так и мы: вместо того, чтобы остановиться и медленно встать на ноги, брыкались и топили друг друга. Нахлебавшись вдоволь, мы, наверное, просто устали и одновременно остановились. Я встал на ноги, взял за шиворот Лёху и пошёл. Не оглядываясь, просто пошёл. Думая, что волоку товарища. На самом деле я сорвал с него шарф. И нёс только его. Обалдевший Алексей так же спокойно поднялся и потопал следом. Только около его дома я обернулся. И увидел, что он идёт сам, а я всё это время «героически» нёс шарф. Мы не обмолвились ни сло-

вом. Он дошёл до своей калитки, кивнул, и мы пошли к ним в дом. Оказавшись внутри, он жестом руки остановил вылетевшую нам на встречу бабушку, произнеся фразу, которая стоила пожилой женщине, если не гипертонического криза, то чего-то близкого к этому:

– Ба! Не надо всё этого, мы живы!

Выпалил он это так лихо, что даже бешено клацающие друг о друга зубы не помешали ему.

Бабушка рухнула прямо в коридоре. Два мальчугана мокрые и подранные скидывали одежду и очень сильно тряслись от холода. Лёха притащил два взрослых халата: один синего цвета, второй зелёный с блёстками. Именно второй халат он отдал мне. Выбирать не приходилось. Пока я его надевал, Лёха снова убежал и на этот раз вернулся с бутылкой мутноватой жидкости. Зубы стучали так, что слова никак не получались, я мог только мычать:

– Мм... ме, нне ма... ддо!

– Ппей, дд... урр... ак! – с этими словами он навалился на меня всей своей массой. Мои руки окончательно запутались в рукавах, сопротивляться было очень тяжело. Горькая, вонючая жидкость из бутылки потекла по моему лицу и по халату. Какая-то часть попала в рот. После чего в горле всё «запылало». Я закашлял. Удовлетворившись этим, мой друг, слез с меня и сам сделал несколько глотков. Зайдясь таким же кашлем, сел рядом.

– Ой, что делатца! – промолвила, поднявшаяся с пола ба-

бушка, – Внучок, растирка, моя растирка!

Бабушка, шатаясь, подошла к внуку, забрала изрядно опустевшую бутылку и, пошатываясь, куда-то ушла. В голове у меня что-то сильно гудело, в животе урчало. Перед глазами была пелена. Откуда-то появились Лёшкины родители, мама плакала, что-то говорила и обнимала сына. Отец, в свою очередь, отвесил ему смачный подзатыльник, затем обнял нас обоих. Я почему-то решил, что Лёхе устроят сильную взбучку и решил его спасать. Всех деталей уже не вспомнить, но текст, который я выпалил им, ещё долго крутился в моей голове. Отползя к окну, я поднялся, держась за кресло: меня ещё здорово трясло, но зубы перестали клцать, и я заговорил:

– Уважаемые дядя Саша и тётя Галя! Ваш сын – герой! Пожалуйста, не ругайте его. Сегодня он спас человека! – с этими словами я опустил глаза и закачал головой, как будто о чём-то вспоминая и сожалея, затем устремил взор на люстру протягивая к ней руки, продолжил:

– Если бы не он, я, наверное, как эта муха полетел бы на облачко! – глаза снова потупились, – Спасибо вам за сына, дорогие вы наши!

Рыдали все. Приятные мурашки бежали по телу: мы согревались. Лёха чихнул и засмеялся. Его бабушка выглянула из спальни, улыбнулась и тихонько сказала, глядя на меня:

– Ах и плут! Быть тебе адвокатом или министром, не меньше!

Сергей Володькин

«Часто слышу во сне стихи...»

Часто слышу во сне стихи,
Словно музыку Высших сфер:
Невесомы, воздушны, легки,
Совершенны, как ангельский хор.

А когда к бумаге бегу—
Зафиксировать, записать—
Понимаю, что не могу
Пары слов воедино связать.

Рассыпается карточный дом,
Расступается пелена,
Тишина во мне...
Тишина кругом...
И гармония не слышна.

Может, так и должно быть.
Может, верно, что есть та грань,
За которую заступить—
Равновесие потерять.

И гармония быть должна
Вне материи: свет... звук...
Так расстроенная струна
Напрягать заставляет слух.

В этом вслушивании – судьба:
Что же ищем, сбиваясь с ног?

И призывно поёт труба,
Бытия подводя итог...

«Ветер листья шлёт без адресата...»

Ветер листья шлёт без адресата
Почтальоном с толстой сумкой на ремне.
Осень скальпелем патологоанатома
Водит, бродит в растерявшемся во мне.

Что со мною я пока ещё не знаю,
Только чувствую движение Руки,
Проводя по ран зияющему краю,
Раскрывающей Пространства тайники.

Наложением Пространства на Пространство,
Пустоты – на Пустоту, – Тоска живёт,
Расточая с неизменным постоянством
Саморазочарованья жгучий йод...

«Плясать по клавишам фокстрот...»

Плясать по клавишам фокстрот
И упиваться звуком струн,
В замену точке взяв аккорд—

Изгиб скрипичный слишком юн...

Вести смычком по волосам
И слышать тот же самый звук.
Кто – в одиночку к праотцам,
а птицы – стаями на юг.
Хранительница очага,
Венера диких Амазонок,
Как встреча первая горька.

Изгиб скрипичный слишком тонок

Распутывается клубок
Цветок...
глоток воды...
ребёнок...

«Поплачь со мной на посошок о том...»

Поплачь со мной на посошок о том,
Чему есть имя, но нет формы и объёма.
Мы камушек за пазуху кладём,
Тоскуем же всё больше «по пустому»,
По – ничему:
По отзвуку, по сну,
По разности всех направлений.
А я случайно плеч твоих коснусь,
Как звёздной необъятности вселенной.
И станет безразличен прошлый путь,
И всё равно – умру или воскресну.
Успеть бы только с жадностью вдохнуть
Весь этот-рай.
Весь этот – ад,
Всю эту жуть...

Спасаясь бездны – попадаешь в бездну...

И юный Будда, знающий про боль
Чуть больше, чем кресты и гильотины,
Протянет руку, на которой соль
Земли просыпана. Безлюдные пустыни.
Единственный для всех священный путь,

Голгофой именуемый, который
Дающий право в вечность заглянуть:

Идущий в гору – да получит гору!

«Нас сотрёт как тряпкою с доски...»

Нас сотрёт как тряпкою с доски,
Как чертёж неправильный с листа.
И взамен обиды и тоски
Вместо нас наступит пустота.
Вместо нас наступит белый свет
Или чёрной пропасти квадрат.
Полетит в обратный путь конверт,
Потому что выбыл адресат.
Потому что на любую боль,
Что как дождь, окатывает сплошь,
Нам ответят просто и легко—
Плачешь, это значит ты живёшь.
Это небо отдаёт нам дань
От избытка выслушанных просьб.
Если с неба льётся океан—
Сколько боли ТАМ вместить пришлось?
Пара капель с тоннами воды—
Как несоразмерен перевес.
Если небо плачет, как и ты,
Значит ТАМ, бесспорно, что-то есть...

«Твоими руками Вселенная делает Свет...»

Твоими руками Вселенная делает Свет.
Твоими руками Вселенная делает Радость.
Вселенский Электрик, скорее собирай инструмент,
Крути провода, чтоб колёса добра завращались.
Чтоб солнце сияло, дарило тепло, но не жгло:
Бывает достаточно искренней, ясной улыбки.
Достаточно просто забыть, что присутствует Зло,
Которое делает Счастье коротким и зыбким.
Мы сами его сокращаем, а после клянём
Богов, что отмерили нам только самую малость.
Работай, электрик, работай и помни одно:
Твоими руками Вселенная делает Радость.
Ты сам, только ты и никто уже кроме тебя
Не сделает лучше нелёгкую эту работу:
Всегда откликаться на сбой механизмов Добра—
Замкнув проводочки Судьбы, осчастливить кого-то!

Завет

Ушёл Христос, распятый на кресте,
Но на песках пустынь оставил след—
Грядущим поколениям Завет,
Начертанный на выцветшем холсте.
И каждый новый век встаёт звезда:
Является Младенец в колыбели,
Исполненный одной лишь только цели—
Взойти, чтоб не погаснуть никогда.
Избит не раз Он будет и гоним,
Но распахнутся каменные двери,
Способные ещё во что-то верить,
Покорные, последуют за Ним,
Блуждая в лабиринтах суеты.
Его понять никто так и не сможет,
И Он себя на жертвенник возложит,
Дойдя до свыше обозначенной черты.
И будет вновь распят за светлый ум,
Представленный посмешищем народным.
Лишь потому так рано Он уходит,
Что год земной приравнивался двум...

«Нет, долго зла держать я не могу...»

Нет, долго зла держать я не могу,
Но всё же обижаюсь от того,
Что всё тепло, что в сердце берегу,
Не донести до сердца твоего.
Что как я ни старайся – не найдут
Ни доброта, ни нежность, ни любовь.
Как путник заблудившийся – приют
В душе твоей – как в лучшем из миров.
Мы только то способны оценить,
Чего своим назвать не суждено.
Так взглядом провожают стаи птиц
И облака в тюремное окно.
И чем невыносимей будней гнёт,
Где проблеск счастья теплится едва,
Тем сердцу притягательней полёт,
И тем бездонней неба синева.

«Всё время кто-нибудь чего-нибудь да ждёт...»

Всё время кто-нибудь чего-нибудь да ждёт:
Истории синоним – ожиданье...
Мессии ждёт измученный народ
И к небесам протягивает длани.

Ждёт капитан изменчивых ветров
И колесо руля перебирает.
Ждёт миллион пришествия воров
Вор, выждав время, барыши считает.

Ждёт нищий подаянья на мосту,
Прохожих крестит знаменьем- сиянием.
Грабитель ждёт удачную версту
Для грабежа торговых караванов.

Приказа ждёт недремлющий пилот,
И по приказу вырвутся ракеты...
Полощет дождь. Под ним Ромео ждёт
На вечность опоздавшую Джульетту...

«Какая нынче тёплая зима...»

Какая нынче тёплая зима:
Январь исходит мартовской капелью,
И градусник на уровне нуля
Качается которую неделю.
За призмою окна распластан сад
Преображённый памятью цветенья,
Как чистый лист в преддверии откровений,
И эта призма формирует взгляд
На мир в отдельной точке бытия,
Как будто здесь Творец вонзил свой циркуль
И обозначил чёткие края,
Где логика главенствует как принцип.
Но всё, что не попало в этот круг,
Вдруг стало ясным, вовсе не исчезнув,
И я теперь, как некогда Колумб
В первооткрытий взглядываюсь бездну:
Я сопричастен плаванью его,
Я выполнен по образу-подобью.
Так сад уснувший бредит половодьем
И вдохновеньем —наступивший год.
Но всё, чем я живу, к чему стремлюсь,
Летейским половодьем будет смыто...
Контрабандистом вывожу за скобки быта
Стихов и писем нелетальный груз.
Как жернов мельничный скрипит планеты шар,

В муку перемолов крупинки боли.
И маятник на уровне «душа»
Застынет, не раскачиваясь боле...

Ольга Соловей

Бабушкин порог

От городской уеду суеты,
В деревню к своей бабушке махну!
Прозрачный пруд и на лугу цветы
Ещё с тех пор осели в глубину.

Ведро в колодце громко застучит,
Воды студёной лихо зачерпну,
На пастбище коровка замычит,
Кудахчут куры, наклонясь в траву.

А дома хлеб бабуля испекла:
Чуть свет, уже встаёт до петухов.
Хлопочет, спозаранку на ногах.
Проснутся внуки – стол уже готов.

Клубники спелой манит аромат,
Щебечут птицы звонкие в лесу,
Найти грибов для жарки очень рад
И поглощать природы красоту.

Бродить по лесу, тихо, не спеша,

Оставив шум машин и пыль дорог.
В гармонии с природою душа.
Мне будет сниться бабушкин порог.

Рассвет

Светает. Розовый рассвет.
Уже не за горами солнце.
Лучей мерцающий привет
Земли разбуженной коснётся.

Художник смело вотворил
На небе смешанные краски:
Пурпурно-розовых пролил,
Добавив светло-синей масти.

Он плавно их растушевал,
Ещё добавил бирюзовый.
За горизонтом, там где даль —
Белёсо-жёлтый, чуть – слоновый.

Так тихо. Нет ни ветерка.
Деревьев ветви не колышет.
Рассвет дыханьем мотылька
Во мне гармонию отыщет.

Разорванные письма

По ветру раздувает наши письма,
Разорванные в гневе на клочки.
Душою продиктованные мысли
Летят с моста в течение реки.

Уляжется, а может, утрясётся,
Возможно, будем позже сожалеть,
Что не смогли сберечь любовь под солнцем,
Позволив, утопая, умереть.

Летят с моста разорванные письма
И сердце разрывают на клочки.
Соприкасались мы душой так близко...
Уносит всё течением реки.

Пламя свечи

Молчу, себя не выдавая,
Танцует пламя у свечи,
И, воском медленно стекая,
Застыли мысли-палачи.

Гори, огонь, и дай покоя,
Внутри от страхов исцели,
В единстве слившись с тишиною,
Владеть собою научи.

Придёт покой, погаснет пламя,
И в сон грядущий погружусь.
Пусть хорошо всё будет с нами,
В ночи за это помолюсь.

Размышления о жизни

Как много пройдено дорог...
Ошибок, поисков, стремлений
И разных дат обозначенья,
Которых ты забыть не смог.

Мелькают лица, города,
И место жительства другое,
Но остаётся дорогое
С тобою в сердце навсегда.

Приходит детства сладкий сон,
В нём так тепло и беззаботно...
Уходят дни бесповоротно.
Настал этап других времён.

Серьёзно думать и решать,
Уйти в себя, чтоб разобраться,
В глубокомыслии остаться
И виноватых не искать.

Как много пройдено дорог
Кривых, извилистых и ровных.
Ищу ответ «как жить?» я снова,
Чтоб из всего извлечь урок.

Т. В. Таволга

Лето

Лето. Сладкое лето!
Мир ярких красок богат,
Ласковым солнцем согрето,
Нежный цветов аромат.

В лёгких нарядах девчата
К речке гурьбою бегут.
Играют, резвятся ребята,
Домой до поздна не идут.

Бабочки в танце кружатся,
Спешит по делам жучок.
В зелень травы забрался,
Играя на скрипке, сверчок.

Красны земляникой поляны,
Поспела черника давно,
А лес к себе манит и манит!
Грибов уж и ягод полно.

Поля васильков и ромашек,

Благоухает земля!
Лучики солнышка пляшут,
Хлеба наливные дразня.

На водоём, с утра утка,
Подросших утят повела.
За мамкой шагают дружно,
Им плавать пришла пора.

Пчёлки – трудяги летают,
Стараясь от самой зари.
На зиму мёд запасают.
Им песни поют соловьи.

Иду я тропой, улыбаюсь
От счастья, что тоже живу!
Краем родным наслаждаюсь,
Что Родиной нашей зову!

Воскрешение

Восстали из пепла,
Как две птицы феникс.
Расправились крылья в полёт.
Взлетели синхронно
Из мёртвой долины,
Где время навечно встаёт.

Почуяли воздух,
Услышали ветер,
Что перемены несёт.
Откинула щупальца
Старая вечность,
Птиц пропуская вперёд.

В оживших сердцах
Вновь любовь всколыхнула.
(Без этого чувства не жить).
В полёте играя,
Как малые дети,
Сплетают, судьбы одной, нить.

Под ними мелькают
Поля и равнины,
Переплетенья дорог.
К сказочным звёздам,

К счастью стремимы,
Вливаясь в воздушный поток.

Пушистые перья
Облачных стаяк
Путь указуют в ночи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.